

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ
КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

10 ОКТОВРЕ 1936

LES COSAQUES LIBRES

IX Année

10 ОКТЯБРЯ 1936 г.

207

10 ЖОВТНЯ 1936 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий

С о д е р ж а н и е :

1. На путях к большим событиям.
2. Трагедия Казачества.
3. **Чужинец:** Попытка русских революционеров привлечь казаков на службу своим целям.
4. **Владимир Куртин:** Тою же дорогою.
5. **А. Лаврухин:** Доколе же все это будет продолжаться?
6. **И. Билый:** Казачьим националистам.
7. Думы и мысли.
8. Казачья эмиграция.
9. Что делается у начальников «русских казаков».
10. Важное свидетельство.

ВСЕХ ВОЛЬНЫХ И «НЕВОЛЬНЫХ» — ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ПАТРИОТОВ ПОЗДРАВЛЯЕМ
СО ВСЕКАЗАЧЬИМ ПРАЗДНИКОМ
ПОКРОВА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ

П о ч т о в ы й я щ и к :

С. Америка. Н. Дж. М. Г. — Получено. Спасибо. Привет.
Крагуевац. Д. Х. Получено. Будет напечатано. Привет.
Бельгия. Н. Б. Получено. Привет.
Бельгия. Г. Р. Ответ — письмом. Привет.
Монсо. А. Щ. Получено. Спасибо. Привет.
Ницца. И. С. Получено. Спасибо. Привет.
Аргентина. И. Г. Ответ посылается. Привет.
Тулуза И. Х. Получено. Спасибо. Привет.

адресу: **Андрей Шишкин.** Автобуска станица. Кочане Вардарска бановина, Yougoslavie.

Разыскиваю молодого казака Кубанского войска, **Ивана Митрофановича ПАНЧЕНКО** — по просьбе матери. Знающих о таковом или имеющих адрес его, прошу сообщить по следующему адресу:
P. Masuta, Contonement France 28, Colombelles (Calvados) France.

Р О З Ы С К :

Разыскиваю брата моего **Якова Петровича ШИШКИНА** ст. Урульской Лабинского от. ККВ. Прошу отозваться по

Всех казаков и казачек станицы Етеревской, Усть-Медведицкого округа, просит откликнуться **С. Лавров. S. Lawrow, poczta Ozdziuczyce, Pologne.**

Н О В Ы Й А Д Р Е С

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ВК».

БУДЕТ ОБЪЯВЛЕН В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

В О Л Ь Н Ы М К А З А К А М В Г Е Р М А Н И И

Подписную плату за журнал «ВК» направлять по адресу Г. А. Козловского:

Herrn G. Kozlowsky, Pariserstr. 52, Berlin W. 15.

Бесплатная высылка журнала в ближайшее время будет прекращена.

Т Р А Г Е Д И Я К А З А Ч Е С Т А

(Очек на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919)

ВЫШЛА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ.

ЦЕНА во Франции — 20 франков, в Чехословакии — 30 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лева, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. доллар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

ЧУЖИНЕЦ.

Попытки русских революционеров привлечь казаков на службу своим целям

В конце 1870-х — начале 1880-х годов в Казачьих Землях становилось все более смутно: с одной стороны, все большее количество казачьей молодежи вовлекалось в общероссийское революционное движение, которое находило свое выражение, хоть и в весьма слабой степени, и на территории Казачьих Войск; с другой стороны, росло недовольство в широких массах казачества.

Мы уже поминали в свое время, как революционеры от расплывчатого казакофильства, воспевания Разина и Пугачева, начинали переходить к попыткам организовать чисто казачье движение, бороться за чисто казачьи, а не расплывчатые общенародные (читай: крестьянские) интересы. В частности, «земледелец» Г. В. Плеханов ездил в 1878 году на Дон, вошел в общении с Казачьей интеллигенцией и опубликовал воззвание к казакам от имени бунтовавших казаков Луганской станицы.

В начале апреля 1879 г. Плеханов вновь оказался на Дону, в Ростове, в Таганроге, Новочеркасске. Здесь он, на хуторе Алексея Родионовича Попова, брата видного русского революционера, впоследствии шлюсельбуржца, Михаила Род. Попова, устроил приют для скрывшегося из Петербурга революционера Мирского, но это для нас гораздо важнее, он написал здесь новое воззвание к казакам **всех Войск**, а не только Донского.

Воззвание это было напечатано в тайной «Петербургской Вольной Типографии» и широко распространено в России в 1879 г. (1). Правительство встревожилось и сочло нужным сообщить о прокламации атамана всех Казачьих Войск (8 декабря 1879 г.), причем в III-м Отделении собств. Е. В. Канцелярии перепечатали для начальства на гектографе нужное число экземпляров воззвания.

Странная судьба постигла это воззвание: оно исчезло без следа, о нем сохранились сведения, но ни в архиве III-го Отделения, ни у революционеров, ни за границей, в архивах партий и т. под., не было найдено ни одного экземпляра. Только в 1933 г. один экземпляр нашелся, наконец, в судебном деле Квятковского, и мы считаем своим долгом довести до сведения казачества полный его текст. Плеханов писал:

«Славному войску казачьему Донскому, Уральскому, Кубанскому, Терскому, и проч., и проч.

ВОЗЗВАНИЕ.

«Братья казаки!

«Хорошо и вольно жилое вам в старину на ваших землях, которые кровью своею отвоевали вы от неприятеля.

Не было у вас ни благородных, ни черни, сами выбирали вы свое начальство, своего Наказного (! Ред.) и прочих атаманов; не стесняли вас службою: вы служили, сколько могли и сколько хотели, а за эту службу получили вы грамоты на свои земли, чтобы быть им в вечном у вас владении, со всеми полями, лугами, лесами озерами и рыбными ловлями. О теперешних налогах и тягостях не было и слуху.

«Так жили когда-то вы, храброе войско казачье, но уже давно начали стеснять вас понемногу. Стали назначать вам Наказного Атамана из Петербурга, ввели тяжелую службу и не только перестали давать за нее жалованье, но, вопреки прежним царским грамотам, по-

делили землю на пайки: офицерам дали по 200, а простым казакам по 30-ти десятин; теперь вводят земство, а оно отбирает у вас леса, облагает землю податями, а потом и вовсе сравнивает вас с крестьянами.

«Давно старики предсказывали, что лишат казаков всех их прав, что будут стеснять их, и наступит большая смута в казачьих землях...

«Вы сами знаете, что сбылось их предсказание.

«Везде были смуты. Уральцев за то, что не хотели подчиниться новому положению, целыми сотнями ссылали в Сибирь и в Туркестан; в Черноморье волновалась Полтавская станица; на Дону Луганцев таскали по острогам и грозили Сибирью за то, что не хотели отдать земству лесов, которые по царским грамотам должны принадлежать казакам.

«Братья казаки! Было время, ваши деды и отцы присягали служить царю и отечеству только тогда, когда получали за это вольные грамоты. Требуйте и теперь такой грамоты, чтобы остались за вами все ваши права и Земля и Воля, и леса, и реки, и озера; чтобы управлять вам самим собою; самим выбирать Наказного Атамана; землю давать всем поровну, не платить за нее налогов; не вводить земства и всех казаков уравнивать в правах, чтобы не было, как теперь, черни и благородных, а службу всем справлять поровну и по силе возможности. Деды ваши знали, как надо поступать, и вам не мешает припомнить старинный казачий обычай.

«Не дадут нам вольной грамоты, не давайте присяги на службу, а будут заставлять силою, так неужели славное войско казачье не сумеет отстоять своих прав?»

«Далеко гремит слава Казачья! Знают казачью храбрость и немцы, и французы, и венгры, и турки, и черкесы, и англичане; вы заслужили эту славу своею удалью, вы заплатили за нее кровью своею и головами своих братьев. Неужели же струсит казачье войско, не сумеет вытребовать своих прав, на которых жили и служили его предки?»

«Вы, казаки, — не мужики. Вас не учить стать владеть ружьем и пикой, не учить победам над неприятелем. Опозорит себя навек казачество, если не вернет теперь прежних вольностей. Что добыли кровью деды, не должны отдавать без боя внуки».

«Петербургская Вольная Типография».

Перечитывая это воззвание, мы видим, что писал его человек, бывавший среди казаков, но не долго, и — во всяком случае — не казак. В самом деле, всякий казак отлично зная, что «наказный» атаман есть именно, назначенный кем то атаман, в противоположность выборному, а Плеханов ни что не сумняшся, писал о необходимости замены назначенного Наказного Атамана выборным, «Наказным Атаманом», очевидно, он думал о **войсковом атамане**, не подозревая об истинном значении слова «наказный». Но многие выражения, слышанные им от казаков, он вставил в воззвание. Затем, ни Плеханов, ни — повидимому, — его донские вдохновители не имели точного представления об историческом прошлом Дона. Не упоминая ни словом о **вольном** казачестве, Плеханов разсматривает донских казаков, как служивых. Стеснения, испытываемые казаками, изображаются им, как уменьшение льгот **служилого** Казачества. Самый принцип взаимоотношения не подвергается сомнению. Наконец, основное требование воззвания — издание жалованной грамоты с подтверждением казачьих привилегий, несколько опаздывало: формально, Александр II-й исполнил его еще в 1863 г. Дело было не в жалованной грамоте, а в **политике** уравнивания казаков с прочим населением.

Интересно отметить, что одним из главных аген-

1) Экземпляры этого воззвания были найдены 23 и 24 ноября 1879 г. в Петербурге у народовольцев Евгении Фигнер и А. Квятковского, а также в тайной типографии, арестованной 18 янв. 1880 г. в Саперном переулке. Не забудем, что Квятковский был в 1878 г. на Дону вместе с М. Р. Поповым.

тов Плеханова на Дону был ростовец (еврей) Гутерман, который принимал некоторое участие в революционной работе среди черноморцев: через него шли всякие украинские издания на Кубань. За эту, главным образом, работу Гутерман вскоре же был арестован и административно сослан в В. Сибирь (2).

Еще в июне 1879 г. (6-го июня) часть членов партии «Земля и Воля», после секретного с'езда партии в Воронеже, поехала на Дон и Кубань для организации сношений с местными революционерами (предстояли важные события). Мы знаем уже о деятельности Плеханова на Дону.

Однако, должно признать, что волею независимых обстоятельств, деятельность революционеров была отвлечена от «работы в народе» и направилась на борьбу с центральной властью путем, главным образом, террора. В казачьи земли попадало их (революционеров) не много.

В 1879 г. был арестован и 31 мая сослан из Новочеркасска в Восточную Сибирь Ив. Марк. Радецкий, известный в 1890 г. г. проповедник физического воспитания молодежи. Сюда бежала из Вологодской губернии, из ссылки, революционерка Н. С. Смирницкая, чтобы вместе с И. В. Калужным вести на Дону революционную пропаганду. В Верхнебольшевской волости Донецкого округа устроился в волостные писаря революционер Александр Знаменский, но вскоре скрылся. 26 мая 1879 г. был арестован казак, писец Ново-Черкасского окружного суда Мих. Вас. Попов «за распространение преступных мыслей против правительства и государя и через год (13 мая 1880 г.) ему было сделано «строгое внушение о неуместности его суждений».

Некоторое сочувствие революции начиналось и на Дону: революционер П. Фед. Лобанов (Гудзь), осужденный на 15 лет каторжных работ в Киеве, был арестован с паспортом казака Ивана Щербини (3). Некоторые донцы приняли видное участие в рев. работе вне пределов Донского края. Среди них на первом месте надо поставить Ив. Ив. Басова, бывшего студента Петербургского Технологического Института, организовавшего в 1879 г. кружок в Киеве. Цель кружка была приобретение средств на революционное дело (путем попытки ограбить денежный ящик одного полка в Житомире и нападения на конную почту). К кружку принадлежал помянутый выше Гудзь, а также повешенные вскоре Свириденко, Давыденко; кроме того, Зубрицкий (20 л. кат. раб.) и др. Басов своей энергией павел ужас на начальство. Ему удалось в 1880 году бежать в Румынию, а затем в Софию, в Болгарию.

В студенческих беспорядках 1879 г. в Харькове принял видное участие студент университета, казак ст. Ермоловской, Александр Власов. В мае 1879 г. в Рязке арестовали сотника Донского казачьего полка Вл. В. Мержанова «за имение книг социального (!) содержания». В сент. 1879 г. был арестован в Петербурге фельдшер лейб-гвардии Казачьего полка Вышкович, заподозренный в литографировании прокламаций к рабочим.

В окт. 1878 г. арестовали в Екатериносладе «за распространение вредных мыслей» студента Харьковского Ветеринарного Института Ант. Альшанского. 15 июля 1879 г. был арестован окончивший Кубанскую учительскую семинарию Корнилий Саенко, обвинявшийся в «введении пропаганды» в Кубанской области (в 1882 г. ему вменили в наказание годичное предварительное заключение и дали 1 год гласного надзора). В ноябре 1879 г. в ст. Уманской искали в школе, у Ив. Беспалова, запрещенных изданий. Из Кубанской учительской семинарии был исключен «за распространение социальных

(?) идей» воспитанник Шинцев. За сочувствие покушению на Александра II-го, в ст. Халдыжинской был арестован Мих. Вл. Хандаерчев. В 1879 - же году в ст. Усть - Лабинской жил доктор Александр Мих. Богомолец, с женою Софией Ник. Присецкой. Вместе с нею, Г. Батоновым и Н. Охременко, Богомолец вел пропаганду среди казаков и, повидимому, не только революционного, но и национального украинского характера.

В августе 1879 г. состоялось разделение крупной революционной партии «Земля и Воля» на две новых партии: «Черный Передел», стоявший за продолжение «работы в народе», и «Народную Волю», поставившую целью захват власти во имя политической свободы. «Черный Передел», несомненно, больше уделял внимания «народу», нежели «Народная Воля». В печатном органе (конечно, «подпольном»), «Черного Передела» много говорилось и о казаках. Продолжая идейные традиции «Земли и Воли», «Черный Передел» (ном. 1, 15 янв. 1880 г.) противопоставлял государство народу. «Русское государство сдавило народ железным кольцом... наложило свою тяжелую руку на казачество». Поэтому, первая задача «Ч. П.» это было «разрушение государственной организации». Снова шли напоминания о Разине и Пугачеве и борьбе с государством: «кровавая и шумная, как ураган в минуты крупных массовых движений, вроде бунтов Разина и Пугачева, борьба эта не прекращалась».

В ном. 2 «Черн. Передела» мы находим ссылки на волнения казаков на Урале, в ст. Полтавской, Кубанской обл. и на Дону (с. 190). В ном. 3 передавались слухи на Украине, что «знов буде Запорожже» (с. 251).

В 1880 г. в Женеве была издана брошюра «Об издании Русской Социально Революционной Библиотеки», издание было подписано виднейшими эмигрантами. Автором его был переселившийся этим временем за границу Плеханов. «Можно - ли думать, — спрашивал он, — что приемы и способы социальной пропаганды остаются единообразными и неизменными, как в ватаге рыбаков, на Волге, так и между рабочими больших городов, в столице казачьего войска и в мастерской мелкого ремесленника уездной глуши»?.. «Социалистическая литература, — полагал Плеханов, — не должна игнорировать местные национальные, исторические или экономические особенности... а напротив... примирять существующий уже между различными народностями или группами антагонизм...»

«Возьмем хоть Казачье Донское Войско. Как крестьянину, так и казаку, прежде всего бросаются в глаза экономическая и правовая разница их положения. Отсюда — антагонизм, заставляющий крестьянина с завистью поглядывать на огромный — сравнительно — надел донца, и этого последнего презирать «мужика»... Спрашивается, полагают - ли социалисты совершенно оставить в покое казачество, и если нет, то какой успех будет иметь в казачестве революционная брошюра, трактующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком?..»

... «Мы не имеем ни одной книжки, ни одной прокламации, которая пыталась - бы раз'яснить казачеству его истинное отношение к государству, указать на выход из этого положения, на необходимость солидарности с презираемым на Дону мужиком. Тоже — разумеется — нужно сказать и о войске уральском и черноморском» (4).

Помимо Плеханова, членами редакции «Библиотеки» были П. Л. Лавров, Л. Н. Гартман и Н. А. Морозов. Очевидно, и им была ясна необходимость, обращаясь к казачеству, говорить ему о **казачьих** интересах, и даже «по казачьи». Однако, брошюры такой не появилось за границей, да и в России год спустя было лишь напечатано новое воззвание к казачеству, но не брошюра.

Но не одни революционеры возлагали надежду на Казаков. Из реакционного лагеря слышались также голоса, звавшие казаков в **своем** направлении. Некий П.

4) Отметим, что еще в 1861 г. Черноморцы и линейцы были слиты в единое Кубанское Войско, а Плеханов, через 19 лет, все еще писал о «Черноморском войске».

2) О пребывании Плеханова на Дону в 1879 г. см.: «Былое», ном. 16 (1921 г.), с 8; «Группа Освоб. Труда», сб. 6, с. 74; Е. Кушева «Неизданная листовка Г. В. Плеханова». «Кат. и ссылка», ном. 107. В Сибирь сослали не только Матвея Гутермана, но и отца его Давыда.

3) Мы пропускаем все аресты в 1879 г. в Ростове по рабочим делам.

Т. Кулебякин (казак) напечатал в 1880 году стихи, в которых писал:

«Слава разящим крамолу,
слава!
«Слава царевой опоре,
слава!
«Слава хранящим Россию,
слава!
«Слава дающим ей силу,
слава!»...

Стихи эти были адресованы казакам, которые продолжали в Петербурге и в Москве нести, за отсутствием конной полиции, службу по охране уличного порядка.

Очарование движениями и личностью Разина и Пугачева (а отсюда и казачеством), все еще не проходило в среде русских революционеров. Знаменитый Киевский плотник, Гаврило, пропагандированный революционерами, иногда (выпивши) кричал на всю улицу: — «Я — Стенька Разин!»... Иногда же, в трезвом состоянии, поучал революционеров: «С нашим народом нужно, как Стенька Разин, командовать»... (5). Какой — то славянин («братушка»), попавший наборщиком в тайную типографию, томился над своей работой и заявлял: «Я рожден быть Стенькой Разиным или Пугачевым (6). Присецкий, в Киеве, в 1880 году, развил в революционной среде, «программу набегов в духе Ст. Разина» («Наша программа», Киев, 21 окт. 1880).

Партия «Народной Воли», в первом же номере своего печатного органа «Народная Воля», писала, что в России «большая часть территорий завоевана вовсе не царями и воеводами, а самим народом, который ватагами, дружинами, подвигался на север (новгородцы), на восток (Ермакова вольница), и юг (казаки) и занимал землю безраздельно»...

Автор передовицы в ном 2 «Нар. Воли» писал: «Мы знаем, как устраивался наш народ всюду, где был свободен от давления государства; мы знаем принципы, которые развивал в своей жизни народ на Дону, на Яике, на Кубани, на Тереке, в Сибирских раскольничьих поселениях, везде, где дотрагивался свободно, сообразуясь только с собственными наклонностями; мы знаем вечный лозунг народных движений. Право народа на землю, местная автономия, федерация — вот постоянные принципы народного мирозерцания»...

Автор передовицы в ном. 5-м «Нар. Воли» вспоминал ХУП и ХУШ века, когда «вольное казачество Донское и Уральское, и беглое бродячее население глухих станов... подняли на Руси смуту», и народ присоединился к ним, ибо на их знамени было написано: «борьба с государством и поворот к народным началам вечаго периода, борьба с помещиками и переход земли в руки крестьянства». Но, — писал он, — «В наше время не отыскать на Руси уголка, где бы нашли себе приют эти буйные добрые молодцы, эти суровые выразители и поборники народных стремлений»...

Но самым главным выступлением партии «Народной Воли» в отношении казачества было его знаменитое воззвание, изданное в начале осени 1881 года.

Прежде, чем перейти к нему, мы расскажем о разыгравшейся на самом Дону, в среде местного населения, борьбе по вопросу об уничтожении местного самоуправления (в 1880 - 1881 г. г.).

То, что происходило на Дону в 1878 — 1882 г. г. в земском вопросе, было самым подлинным конституционным конфликтом. Былая Донская Республика, вошедшая со времен Петра I-го в состав Империи, продолжала существовать, как область, на особых правах состоящая. Старое историческое самоуправление — казачье — было уничтожено, равно как и выборность должностей (кроме станиц). Количество не-казачьих в крае все время увеличивалось. Демократические реформы 60-х годов уничтожили почти все казачьи права.

5) Аксельрод «Пережитое», 1923 г., с. 94; «Дебагорий «Воспомин.» с. 117.

6) «Кат. и Ссылка», т. 24, с. 43. Ивановская «Первая типография «Нар. Воли».

Казаки переставали быть **единственными** полноправными гражданами края.

Местное самоуправление по земскому закону 1864 года, приспособленное к особенностям донской жизни в 1875 году, дало первое место (среди окружных земских гласных) землевладельцам и торговому сословию (44,53 проц.), за ними шли гласные от станичного казачьего населения (42,19 проц.) и, наконец, 13,28 проц. были отведены донским крестьянам (сельским обществам).

Власть в крае, фактически ускользнувшая из рук казачества, но принадлежавшая ему номинально, фактически переходила в руки дворянства, купечества и крестьянства. С другой стороны, земские налоги, как бы они не были малы, были тягостны для казаков, как вид ненавистного им **прямого** обложения. Либеральное дворянство и крестьянство в России, дотле совершенно бесправное, а теперь освободившееся от крепостной зависимости и благодарное за призыв его к участию в земстве, были рады земству. Зато не рада была земству властная, донская полуголодная бюрократия. Последняя начала борьбу против земства и стала требовать его уничтожения, опираясь на глубокое недовольство казачьей массы. 16 ноября 1879 г. открылась в Новочеркаске чиновничья комиссия ген. Маслакова «по рассмотрению вопросов **практического** применения к области положения о земских учреждениях. Вместо разрешения поставленного вопроса (о **практическом** применении) Маслаковец поставил вопрос о ненужности и вредности земского самоуправления на Дону, и в мае 1880 г. комиссия, большинством 4-х против 3-х, решила, что земство не пользуется на Дону сочувствием большинства населения. За сим Маслаковец стал собирать подписи под заявлением об отмене земства и снес, в конце 1880 года, эту петицию в Петербург.

Военный министр Милютин запросил мнение атамана Н. А. Краснокутского о предположении временно закрыть на Дону земские учреждения. Атаман, наоборот, настоял на созыве в Новочеркаске в 1881 г. «комиссии 106 гл.», представителей от сословий. Во избежание влияния на казаков со стороны других обитателей области, члены комиссии разбили на три группы. За земство единогласно высказались представители группы сельских обществ и торгового сословия. Другая группа (от землевладельцев, шахтовладельцев, коннозаводчиков и войсковой администрации) высказалась за организацию **краевого** самоуправления на более широких, чем земство, основаниях. «Настала пора вручить **всем** слоям местного населения, в лице **свободно избранных** им представителей не только попечение об удовлетворении т. наз. земских потребностей, но и заведывание делами общего войскового хозяйства», — такова была принята единогласно резолюция А. А. Донецкого. Вопрос шел для этой группы о создании, именно, **краевого**, местного самоуправления и выборной, подотчетной администрации.

Представители от станиц потребовали **восстановления всевластного исторического Войскового Круга**, выборности, всех должностей с правом голоса для **всех** казаков, а не одного донского дворянства. Казаки требовали прирезки земли. Они резко противопоставляли свои интересы интересам дворян — помещиков и крестьян.

Что касается земского «обложения их деньгами», то казаки заявляли, что впрямь «сочтут это нарушением их вековых прав и **окажут сопротивление!**»... (7).

Заседания Комиссии происходили в Новочеркаске, в ноябре 1881 г., уже при Александре III-м.

По мнению правительства лишь одна группа ответила на заданный вопрос и хотела сохранения земства. Две другие хотели чего-то нового, а не земства, одна — **краевого** управления на выборном начале; другая — возрождения Круга.

24 мая 1882 г., в виду **нежелания** казачества пользоваться **земским** самоуправлением, земские учреждения на Дону были закрыты.

7) «Мнение казачьего сословия первой группы Высоч. утвержд. Комиссии 106-ти», Новочеркаск, 1881 г.

Восшествие на престол нового царя поставило пред ним вопрос о необходимости издать новую жалованную грамоту, сперва Войску Донскому, а затем и другим казачьим Войскам, с заверением императорским словом, что все казацьи вольности будут им и его наследниками соблюдаться. Александр III медлил безконечно. Даже реакционный наказный атаман Святополк -

Мирский, сменивший либерального Краснокутского, должен был неоднократно напоминать ему, что наследник (Николай Александрович), Атаман всех казачьих Войск, должен получить в Новочеркасске, в Войсковом Кругу, знаки своего атаманского достоинства. И поездку в Новочеркасск, и опубликование своей грамоты Александр III оттянул до мая 1887-го года.

ВЛАДИМИР КУРТИН.

Т о ю ж е д о р о г о ю

15 лет существования в «борьбе за существование». 15 лет скитания по ветру и — прихоти бросающих кусок не хлеба, а корки от хлеба. 15 лет максимальной траты физических и духовных сил за минимальные средства, не обеспечивающие даже полуголодное существование...

.....
15 лет тому назад по этой же дороге в глухое, горное местечко катился поезд...

15 лет тому назад Степану Лавину было 30. Теперь 45...

Скотские вагоны. Беженская шпанка.. Все, как один, один — как и все. Английские шинели, кавказские бурки, российские вши.. И тиф... Но, 30 лет.. Жизнь — безбрежный туманный океан. И острова счастливых неожиданностей.. Европа впереди!.. Жадный интерес. И вызов: Мы еще повоюем, чорт побери!

Теперь уж 45. Почти старик: плешь во всю голову и миллион морщин. Тоска и скука. Сплыл безбрежный, бурный океан — Европа. Остался маленький горный городишко.

Без треска и эффекта лопнули радужные мечты. Осталось: жить.. А что же делать? Нужно же жить!..

Зачем?.. Это другой вопрос. Зачем Лавин Степан после 15 лет опять едет по той же дороге, в то же самое местечко?..

Сидит у окна вагона, смотрит на те же горы, на какие смотрел 15 лет тому назад, на те же самые убогие селенья.. которые и ныне так-же чужды и враждебны ему, как и 15 лет тому назад.

Слушает цоканье колес на стыках рельс и кажется ему, что никаких 15 лет и не было.. И голова болит не от 15 летних лишений, а от вчерашней пароходной качки. И то, что было 15 лет тому назад, — есть сейчас...

.....
После отчаянного болтыхания по сивым волнам Адриатики тиф с кубанцами выгрузился на набережную императора Диоклетиана.

Было это в тот день, когда три восточных короля, бредя за неожиданно появившейся звездой, дотопились до окрестности Вифлеема. И поклонились новорожденному Спасителю мира.. Шел дождь. Шли под дождевыми зонтиками сплитчане. Остановивались на почтительном расстоянии от места выгрузки кубанцев и, не особенно дружелюбно, а то и совсем не дружелюбно, комментировали неожиданный «долазак врангелевцев». Тем временем мокрые железнодорожники, при помощи солдат, впихнули в товарные вагоны тифозоносную толпу. Задвинули задвижки. Свистнула кукушка. Покатились... Куда?

— Куда?.. Разве эти люди, пережившие великороссийскую, станичную, белую, красную, черноморскую, крымскую, лемносскую и другие трагедии, разве они знали, куда гонит их пятиконечная красная звезда? Сбились в темных, скотских вагонах, чешут из'еденное вшами и лишаями тело и с закрытыми глазами смотрят фантастические картины, что неутомимо, с калейдоскопической быстротой разрисовывает тиф в их воспаленных, ошалелых мозгах. Они еще не политические эмигранты. Даже не беженцы. Они просто затравленные, голодом и жестокими экспериментами обесчеловеченные, бывшие... генералы, полковники; вообще офицеры и кандидаты в оные; строевые и нестроевые, богатые и бедные, образованные и необразованные, умные и не умные.. все смешалось в одну бесформенную массу, бесцветную, обезволенную, которая катилась по на-

клонной туда, куда вообще скатывается все бывшее в употреблении, отслужившее свое предназначение и ставшее не нужным...

Кому в Европе нужны были побежденные «врангелевцы»? защитники деспотизма, «герои контр-революции»?

Они не были нужны ни в Европе, ни в Африке. Ни побежденные, ни как победители.. И они катились по линии наименьшего сопротивления — в братскую балканскую землю.

Стерлись все грани, внешние и внутренние различия, условные и сословные отличия. Испарились идеи и вообще всякие «высокие материи» и остался только один животный инстинкт, сноровка голодного брюха. С точки зрения интересов голодного брюха расценивались все ценности. Смотря под этим углом на весь мир, зло критиковали все, на что наталкивались, с кем и с чем входили в какое-либо соприкосновение.

Стучат колеса, посвистывает паровоз — кукушка... Куда везет она потомков вольных степных рыцарей?..

По крышам вагонов барабанит дождь. В вагонах темно и мокро..

— Сократись немного!..

Неуклюжие «танки» дернулись, а их хозяин что-то пробурчал.

— Сократись, на меня льется!

Тот, к кому была обращена эта просьба, плотнее прижался к месту, ни на вершок не подвинувшись в сторону.

Петро (в прошлом войсковой старшина), повернувшись в небольшом кругу, как мокрая иззябшая собака, переменял положение тела так, что теперь голова его была на том месте, где прежде были ноги, и вода лилась уже не на его голову, а на ноги.

— Попросишь консервов, когда приедем, не дам.

Бурка не отзывается.

— Посмотрите кто нибудь: куда едем? — покрыва-ет общую перебранку генеральский бас.

— На кудыкину поляну!..

— Тебе — то не все ли равно, куда «едем»?

— «Едем, едем» — доехали!..

— Не спрашивал, когда на Москву «ехали»?

— Как будто вам тяжело посмотреть!..

— А ты сам посмотри!..

— Научился приказывать!..

— Не от себя: он только передавал приказания.

— Ну, и самостийник обозвался!..

Вообще почти весь вагон вдруг будто бы обиделся, что и здесь есть такие, которые приказывают. В действительности же огрызнулись только те, которые сидели, стояли или лежали на «хороших» местах и видели в приказании генеральского баса не приказание, а подвох.

— Встанешь с места, а он и плюхнется. Как тогда его, чорта, выкуришь с места?..

Все же нашелся один есаул, которому терять было нечего. Подтянулся на руках, заглянул в квадратное окошко.

— Чорт его знает!.. Как будто к горам приближаемся!..

Колеса вдруг заскрежетали. Как будто в рельсы врезались. В окошко повалил дым. Начали кашлять.

— Туннель!.. затвори окно!..

Затворить окно оказалось не так то просто.

— Ведь вот, черт! Нужно же было!..

— Задушит проклятый уголь!